

«НА КОНКУРСЫ Я НЕ ЕЗЖУ...»

Карэн Шахгалдян в Нью-Йорке не впервые. Он бывал здесь дважды: сначала — с оркестром «Виртуозы Москвы», а потом — с группой солистов этого же оркестра. Но сейчас он приехал для своих первых в Нью-Йорке сольных выступлений. Он — гость традиционного конкурса-фестиваля искусств (Fine Arts Festival), который организует скрипач Владимир Агилин, бывший коллега Карена по «Виртуозам». В нынешнем году в фестивале участвовали представители восьми штатов США, и финалистов оказалось так много (более 3001), что пришлось организовать семь концертов в Нью-Йорке и Нью-Джерси. Первый прошел 22 мая в «малом» Карнеги-холле, заключительные состоятся 30 и 31 мая в Меркин-холле, рядом с Линкольн-центром (начало в 1.30). Программа везде разная, причем представлены будут все возрастные группы и разные жанры, в том числе много камерной музыки. Но завершает все три концерта Карэн Шахгалдян в качестве пока недостижимого образца для юных участников. В Карнеги-холле Шахгалдян исполнил Ре-мажорный полонез Венявского и «Цыганские напевы» Сарасате, и его выступление, хоть, увы, краткое, стало кульминацией и украшением программы (которая, по мнению профессионалов, вообще получилась очень удачной). Московский гость, лауреат специальной премии им. Ростроповича, поразил сочетанием виртуозного блеска, романтического размаха и удивительной теплоты, филигранной отделкой деталей и ярким, наполненным тоном скрипки. Он, конечно, заслуживает того, чтобы играть в Нью-Йорке полную сольную программу, и будем надеяться, что ждать этого дня долго не придется. Впрочем, в Меркин-холле его выступление будет более обширным. А нашу беседу с молодым музыкантом мы начали с его скрипки.

– Скрипка замечательная, работы Антонио Страдивари лучшего периода его творчества – 1710-е годы, – рассказывает Карэн. – Она – собственность Российского государства, входит в Государственный архив музыкальных инструментов, и кто только на ней не играл: Ойстрах, Каган, Третьяков – от одного списка страшно становится. Играть на ней – огромное наслаждение!

– Каким образом вам удалось ее получить?

– Это как раз тот самый случай, когда не было бы счастья, да несчастье помогло. До этого я играл на другом инструменте, тоже с большой историей. То была личная скрипка Юрия Исаевича Янкелевича, знаменитого педагога, учителя Третьякова, Спивакова и многих других наших выдающихся скрипачей. Она лежала и молчала около четверти века, и сестра Юрия Исаевича, узнав, что у меня нет хорошего инструмента, разрешила мне этой скрипкой пользоваться. Лет пять я на ней играл, но так случилось, что ее пришлось отдать, и я остался без инструмента вообще и в течение месяцев двух не мог заниматься. К счастью, это совпало с моей свадьбой, так что играть было особенно некогда, но когда я очнулся, то проблема встала очень остро. Вот тут мы и обратились в госколлекцию. А там порядок такой: сначала выбираешь инструмент, а потом посылаешь на него запрос. Я попробовал одну скрипку, другую, третью, а когда взял в руки эту, то понял, что без нее не уйду. Запрос, правда, рассматривался очень долго, но, наконец, разрешение с личной резолюцией министра было получено.

– Но вы не знаете, как долго вам придется на ней играть...

– Да, к сожалению, на пользование скрипкой заключается контракт, который надо регулярно продлевать.

– Вы из семьи музыкантов?

– Да, с богатыми традициями. Мой дедушка работал на Северном Кавказе и, как тогда говорили, поднимал там культуру: он композитор, скрипач и дирижер, создавал оркестры... Мама – пианистка. Мой брат тоже играл на рояле, но он начал поздновато для профессионального музыканта – в 10 лет, так что он пошел в МГУ, закончил географическое отделение.

– Как вы оказались в составе "Виртуозов Москвы"?

– Это произошло в 1998-м. Они были моими кумирами, все их пластинки были заслушаны, можно

сказать, «до дыр», я всех участников знал в лицо, и когда я впервые попал на их репетицию, было такое ощущение, будто я попал в телевизор – я все эти лица знаю! А произошло это так: я учился на третьем курсе консерватории. Маэстро Спиваков давал у нас мастер-класс. Мне позвонили и предложили в нем участвовать. Я как раз вернулся из гастрольной поездки по Сибири, пришел на урок утром, сыграл, он предложил еще раз к нему прийти, мы пообщались, он сказал мне много теплых слов, а потом предложил: «Знаешь, у меня есть идея: давай попробуем тебя в оркестре». Я даже не понял – в каком оркестре? Хотя в то время оркестр у него был один – «Виртуозы». Я не мог себе представить, что такое может со мной случиться.

– **«Виртуозы» были образцом высочайшего качества. Вам было, наверное, сложно?**

– Сложно было вначале: у них был неповторимый стиль, к которому надо было приладиться. Стиль этот отличало, прежде всего, невероятное внимание к деталям, тончайшая отделка, очень тщательная, скрупулезная работа на репетиции, результатом которой становилась та легкость, которой был знаменит этот оркестр. Те четыре года, которые я там провел, стали огромной школой.

– **Говоря о школе... Кто были ваши педагоги?**

– Я бы выделил маэстро Виктора Третьякова, у которого я учился в Московской консерватории, Майю Глейзарову – под ее руководством я закончил недавно аспирантуру, и маэстро Спивакова – у него я официально не учился, но когда я работал с «Виртуозами Москвы», он показал мне очень много правильных вещей.

– **Получается, что вы – прямой наследник школы Янкелевича: Третьяков, Глейзарова, Спиваков – все они были его студентами... Можете ли вы сформулировать, в чем особенности этой школы?**

– Школ как таковых в Московской консерватории было две – Янкелевича и Ямпольского. Много было других замечательных педагогов, но направления они, в отличие от Янкелевича и Ямпольского, не создали. Отличается школа Янкелевича тем же, что было характерно для «Виртуозов» – потрясающим вниманием к деталям. Ничего не упускается из виду! Я особенно это почувствовал, занимаясь у Майи Самойловны Глейзаровой. Она настолько дотошно все замечает и так требует, что невозможно чего-то недоделать. В свое время ученики Янкелевича брали на конкурсах все премии, и, как они сами объясняли мне, после его уроков не страшно было ничего. Они говорили: «Мы могли выйти на любую сцену -- и знали, что все у нас готово».

– **Но при всей «сделанности» его ученики всегда сохраняли свою индивидуальность, не сливались в пресловутый консерваторски-конкурсный поток...**

– Да, он давал человеку раскрыться.

– **А как с конкурсами у вас?**

– Важная деталь: у Юрия Исаевича был блокнот, в котором на десять лет вперед было расписано, какой ученик в каком конкурсе будет участвовать и на какую премию он может претендовать. Он подбирал для каждого конкурса определенную индивидуальность. Я же поступил в этом плане неправильно. Когда я решил участвовать в конкурсе имени Сарасате, времени на подготовку было мало. Если учесть это, то моя шестая премия – это очень хорошо. Но для себя я понял, что конкурсы – не для меня. Это особое психологическое состояние. Я внушал себе, что на самом деле мне предстоит сыграть три сольных концерта – каждый тур как концерт. Очень красивый зал, приятная публика – чего тут волноваться? Но как только я вышел на сцену, поднял скрипку и начал играть, что-то произошло: я чувствую, что это конкурс, что передо мной – жюри, которое меня оценивает. И полета, концертной раскованности уже не было. Я честно отработывал программу, чего быть, конечно, не должно. Я понял, что мне легче сыграть десять сольных концертов, чем выступить в одном конкурсе. Поэтому больше на конкурсы я не еду.

– **Но вашей исполнительской занятости это не мешает?**

– Нет, в этом году было так много концертов: турне в Швеции, Южной Корее, Армении, дебют с Госоркестром и дирижером Вахтангом Жорданием в Московском зале консерватории при полном зале. Я даже устал к концу сезона.

– **Что такое для вас «много»?**

– По тому, как я выкладываюсь на концерте, – один, максимум два концерта в неделю уже много. Хотя я знаю людей, которые играют по 200 концертов в год – и ничего. Но я очень серьезно подхожу к каждому концерту, готовлюсь и во время концерта очень выкладываюсь. Сложно одинаково выкладываться каждые три дня, и тогда я чувствую, что начинаю немного «недодавать», и мне это не нравится.

– **А что летом?**

– Надеюсь отдохнуть, с женой повидаться.

– **Чем занимается жена?**

– Она дизайнер, но потихоньку начинает привыкать к музыке, понимать, куда она попала, потому что это особая история – жена музыканта.

– **После четырех лет с «Виртуозами» вы решили заняться сольным исполнительством. Не обиделся ли на вас Спиваков за уход из оркестра?**

– Слава Богу, нет. Действительно, разные бывают истории, когда люди уходят из оркестров со скандалом, с ссорой. Но я к Владимиру Теодоровичу ничего, кроме искреннего уважения и почитания, не испытываю, и мы встречаемся часто. Последняя встреча состоялась недавно. Я играл серию из семи концертов в Армении, и так получилось, что в этот же период Спиваков давал благотворительный сольный концерт в Ереване – памяти З.Саакянца, своего тестя, руководителя первого в Армении камерного оркестра. У меня в этот же день был концерт в другом городе Армении, но несколько раньше. Я сыграл свой концерт, сел в машину и на бешеной скорости помчался в Ереван. Успел послушать самый конец концерта Спивакова и пошел к нему за кулисы, подарил ему цветы.

– **А Третьяков?**

– Я был его последним учеником в Московской консерватории. Продолжаю спрашивать у него совета... Мне везло на людей. У меня было много педагогов, особенно пока я учился в Центральной музыкальной школе, я практически каждый год менял педагогов, и не из-за каких-то капризов, просто это было смутное время, многие уезжали работать за границу... Но все, с кем я занимался, дали мне что-то важное, со всеми остались прекрасные отношения.

– **А вы ведь тоже могли получить стипендию для учебы за границей...**

– Действительно, несколько раз было, что я должен был ехать заниматься у Захара Брона, но по каким-то личным нашим делам поездка срывалась. Но как получилось, так и получилось. Элемент судьбы всегда присутствует, а в моем случае – едва ли не все основано на случайностях. Вот один пример. В пятом классе ЦМШ я учился у Льва Чистякова, который в то время входил в первый состав «Виртуозов Москвы». Через два года он со всем оркестром переехал в Испанию, а еще через десять лет, когда меня Владимир Спиваков пригласил играть в «Виртуозах», я занял его место – за первым пультом вторых скрипок.

Беседовала Майя ПРИЦКЕР

Газета «Новое русское слово», 26 мая 2004

Нью-Йорк, США